

Бояркина Людмила Михайловна

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ МИРА ЖИВОЙ ПРИРОДЫ В ТЕКСТЕ БАСНИ В АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКОМ ПРИЛОЖЕНИИ

Статья посвящена репрезентации мира живой природы в тексте басни в антропоцентрическом приложении. Антропоцентризм является основным принципом современной лингвистики и знаменует собой стремление исследователей поставить человека во главу угла. В работе отражается скрытая характеристика человека посредством изображения мира фауны, что является закономерным следствием особенностей художественной когниции.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/6-1/7.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 6 (48): в 2-х ч. Ч. I. С. 31-34. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/6-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 811.11(045)

Филологические науки

Статья посвящена репрезентации мира живой природы в тексте басни в антропоцентрическом приложении. Антропоцентризм является основным принципом современной лингвистики и знаменует собой стремление исследователей поставить человека во главу угла. В работе отражается скрытая характеристика человека посредством изображения мира фауны, что является закономерным следствием особенностей художественной когниции.

Ключевые слова и фразы: антропоцентризм; зооним; текст; басня; художественная когниция.

Бояркина Людмила Михайловна, к. филол. н.

*Мордовский государственный педагогический институт имени М. Е. Евсевьева
Boyarkina82@mail.ru*

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ МИРА ЖИВОЙ ПРИРОДЫ В ТЕКСТЕ БАСНИ В АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКОМ ПРИЛОЖЕНИИ[©]

Антропоцентрическая направленность современной лингвистики находит своё выражение в разнообразных исследованиях, посвященных феномену человека. В этом плане особо заметными оказываются исследования, предметом которых является характеристика человека через обращение к окружающему его миру живой природы. Возникшие на образной основе ассоциации тех или иных качеств человека и объектов внешнего мира имеют глубинные когнитивные основания, поскольку свидетельствуют об отраженной в языке освоенности человеком соответствующего участка мира в процессе познания собственной сущности. Являясь особым принципом исследования, антропоцентризм входит в число исследовательских приемов целого ряда направлений современной лингвистики, первое место среди которых занимают когнитивная лингвистика и лингвокультурология.

Впервые идея антропологизации языка была выдвинута В. Гумбольдтом. Эта мысль послужила стимулом для возникновения науки о языке на антропологических началах, то есть антропологической лингвистики. По мнению В. Гумбольдта, понять природу языка и объяснить ее можно лишь исходя из сущности человека и его взаимоотношений с окружающим миром. Своё понимание этих отношений он выразил в такой формулировке: «Постигая предметы, человек сближается с внешней природой и самостоятельно разворачивает свои внутренние ощущения в той мере, в какой его духовные силы дифференцируются, вступая между собой в разнообразные соотношения; это запечатлевается в словотворчестве...» [3, с. 104]. В его высказывании нельзя не отметить слово «постигая», которое по-настоящему будет воспринято и развито лишь современной лингвокогнитивистикой, раскрывшей глубинные основы развития разнообразных языковых процессов.

По мнению Е. А. Поповой, наиболее ярко сущность лингвистики антропоцентризма проявляется в текстовых исследованиях. Текст невозможно изучать вне человека, который является его производителем и получателем [11, с. 71]. По этой причине текст стал ключевым понятием для антропологической парадигмы изучения языка, поскольку «человек в его человеческой специфике всегда выражает себя (говорит), то есть создает текст (хотя бы потенциальный)» [1, с. 217]. Раскрытие образа человека через объект фауны в тексте, а именно в тексте басни, фактически еще не имело места. Между тем именно текстовый уровень таит в себе самые сложные концептуальные решения проблемы языкового отображения личности, увиденной и осмысленной через посредство живого мира, окружающего человека. Обращение к басне целесообразно в том плане, что с ее помощью удастся выявить глубинный слой зоообразности, сложившейся в социуме и характерной для этноса в целом [6, с. 129; 8, с. 116; 12, с. 14]. В этой связи важно отметить, что репертуар животных в английской басне определяется замыслом, который автор имеет в виду развить, при этом часто бывает заимствованным, как правило, эзоповским. В английских баснях просматриваются и известные русскоязычному читателю сюжеты, например, сравним варьирование репертуара животных в баснях И. А. Крылова («Стрекоза и Муравей» [9]) и А. Бирса («The Grasshopper and the Ant» [15, p. 373] / «Кузнечик и Муравей» [2, с. 172]). Однако следует подчеркнуть, что для английской басни не характерно выведение морали в конце текста. Варьирование репертуара животных достаточно показательно, так как предпочтения животных и описания совершаемых ими действий иллюстративны для английского текстового менталитета.

Тексты басен с участием людей выделяют такие черты последних, которые бы не проявились в целом человеческом обществе. При этом для произведений подобного жанра необходим соответствующий подбор животных, которые призваны наиболее полно реализовать авторский замысел. Таким образом, характеристика человека через мир фауны более витиеватая, извилистая и скрытая, однако надо признать, что она является закономерным следствием особенностей художественной когниции.

В текстах басен А. Бирса, которые явились базой для данного исследования, отмечаются следующие приёмы характеристики человека.

Через акцент на остроумие животных показана приближенность человека к тому животному, качества которого в обществе осознаны и общеизвестны, но которое в описываемой ситуации оказывается выше

изображаемого человека. Если бы в басне “The Ineffective Rooter” [15, p. 366] / «Свинское отношение» [2, с. 121] комментарий ситуации прозвучал от другого животного, а не от *свиньи*, то художественная ценность текста басни была бы снижена:

A Drunken Man was lying in the road with a bleeding nose, upon which he had fallen, when a Pig passed that way. “You wallow fairly well,” said the Pig, “but, my fine fellow, you have much to learn about rooting” [15, p. 366]. /

Толстый Мужчина, упав в грязь лицом, лежал на дороге, когда мимо проходила Свинья.

– *Вы развалились вполне прилично, – сказала Свинья, увидев, что у него из носа идет кровь, – но вы перестарались, подкапываясь* [2, с. 121].

Остроумие животного в басне “The Cat and the King” [15, p. 368] / «Кошка и Король» [2, с. 135] находит неожиданную реакцию в поступке короля, показывая, каким непредсказуемым может оказаться человек такого статуса: *A Cat was looking at a King, as permitted by the proverb.*

“Well,” said the monarch, observing her inspection of the royal person,

“How do you like me?”

“I can imagine a King,” said the Cat, “whom I should like better.”

“For example?”

“The King of the Mice.”

The sovereign was so pleased with the wit of the reply that he gave her permission to scratch his Prime Minister’s eyes out [15, p. 368]. /

Кошка, облизываясь, как кот в поговорке, смотрела на Короля.

– *Ну, – сказал монарх, заметив, что она разглядывает Его Королевское Величество, – и как я тебе нравлюсь?*

– *Ну-у, – протянула Кошка, – я могу представить себе Короля, который понравился бы мне гораздо больше.*

– *Например? – спросил Король.*

– *Например, Короля мышей, – ответила Кошка.*

Король был так доволен ее остроумием, что позволил ей выцарапать глаза своему Премьер-Министру [2, с. 135].

В басне “The All Dog” [15, p. 366] / «Собака» (*перевод авторский – Б. Л.*) лев, увидев пуделя, смеется над его маленькими размерами, но тот отвечает со строгим достоинством (*with austere dignity*): *“It is very true,” said the Poodle, with austere dignity, “that I am small; but, sir, I beg to observe that I am all dog”* [Ibidem]. / – *Да, это действительно так – ответил пудель с чувством собственного достоинства, – я маленький, но, сэр, прошу заметить, что я – собака* (*перевод авторский – Б. Л.*).

В басне “The Australian Grasshopper” [Ibidem, p. 373] / «Австралийский Кузнечик» [2, с. 152] показана глупость человека, который принял *кенгуру* за австралийского *кузнечика*. Выбор конкретного животного – кенгуру – потребовал при текстопостроении упоминания нескольких стран (Англия, Америка, Австралия) и сопоставления широты их лугов. Конечно, глупость можно отобразить и по-другому, но в данном случае это сделано через включение в текст животного, а конкретно – экзотического животного. Басня “The Sagacious Rat” [15, p. 377] / «Мудрая Крыса» [2, с. 133] строится без участия людей, но образ *крысы* слишком яркий и недвусмысленный, чтобы не вызвать в памяти читателя ассоциаций с типом человека, для которого такое поведение является привычным: крыса, выходя из норы, заметила кошку и пригласила с собой другую крысу, которая вышла первой и которую поймала кошка, тем самым дав возможность первой остаться непойманной. В басне “The Kangaroo and the Zebra” [15, p. 383] / «Кенгуру и Зебра» [2, с. 139] проводится аналогия с устройством человеческого общества через выделение некоторых признаков животных: *A Kangaroo hopping awkwardly along with some bulky object concealed in her pouch met a Zebra, and desirous of keeping his attention upon himself, said:*

“Your costume looks as if you might have come out of the penitentiary.”

“Appearances are deceitful,” replied the Zebra, smiling in the consciousness of a more insupportable wit, “or I should have to think that you had come out of the Legislature” [15, p. 383]. /

Кенгуру неуклюже скакал по дороге, пряча в набрюшном мешке тяжелую ношу, и повстречал Зебру. Он заговорил с ней, желая завязать знакомство.

– *У тебя такой полосатый костюм, можно подумать, что ты идешь из тюремного заключения.*

– *Внешний вид обманчив, – с улыбкой превосходства ответила Зебра. – А то бы, глядя на твою торбу, можно было подумать, что ты скачешь из Конгресса* [2, с. 139].

Упоминание институтов человеческого общества (*penitentiary, legislature*) продуцирует главный антропоцентрический нерв текста басни, заставляя читателя поразмышлять о том, чем внешний вид кенгуру напоминает представителя законодательной власти.

Такая же отсылка к общественным институтам делается и в басне “The Citizen and the Snakes” [15, p. 388] / «Гражданин и Змеи» (*перевод авторский – Б. Л.*): *A Public-Spirited Citizen who had failed miserably in trying to secure a National political convention for his city suffered acutely from dejection. While in that frame of mind he leaned thoughtlessly against a druggist’s show-window, wherein were one hundred and fifty kinds of assorted snakes. The glass breaking, the reptiles all escaped into the street.*

“When you can’t do what you wish,” said the Public-spirited Citizen, “it is worth while to do what you can” [Ibidem]. /

Патриотически настроенный гражданин, который потерпел неудачу в попытке спасти национальную политическую конвенцию для своего народа, горько страдал от уныния. Пребывая в состоянии глубокого разочарования, он, не думая ни о чем, взглянул на витрину, в которой кишели сто пятьдесят видов змей. Витрина разбилась, и змеи выползли на волю.

– *Когда ты не можешь сделать то, что ты хочешь, – сказал патриот, – есть смысл делать то, что ты можешь (перевод авторский – Б. Л.).*

Характеризация человека через образы животных в тексте басен спонтанная, основанная на ситуации и вместе с тем детерминируемая законами текстопостроения. Соответствие этим законам, среди которых главным является ориентация на текстовый концепт (понимаемый в данном случае как «идея произведения» и обнаруживающий таким образом факт терминологической омонимии), диктует поведение животных и продуцирует в итоге ситуативное состояние человека [4, с. 81; 7, с. 84].

Примечателен тот факт, что заголовок басни практически всегда состоит из названий животных. Чтобы понять значимость такого построения заголовка, нужно вспомнить о роли заголовка в текстовом построении. Заголовок имеет множество функций, поскольку выступает актуализатором практически всех текстовых категорий [13, с. 182; 14, с. 11]. В контексте исследуемой темы при анализе заголовка басни внимание направляется на реализацию категории текстовой антропоцентричности, подаваемой через призму зообразов. Следует отметить, однако, что заголовок басни весьма однообразен и из всех текстовых характеристик он преимущественно актуализирует тему, или, иными словами, категорию текстовой информативности. В этом смысле следует констатировать тесное переплетение текстовых категорий, когда называемые животные обозначают тему и вместе с тем позволяют сделать выводы о её антропоцентрическом потенциале [5, с. 235; 10, с. 9].

Анализ заголовков текстов басен позволил сделать следующие обобщения.

Примечательны заголовки басен, в которых животные выставлены в определённых комбинациях, например “The Lion and the Rattlesnake” [15, p. 369] / «Лев и Гремучая Змея» [2, с. 124]; “The Grasshopper and the Ant” [15, p. 373] / «Кузнечик и Муравей» [2, с. 172]; “The Goose and the Swan” [15, p. 375] / «Гусь и Лебедь» [2, с. 175]; “The Kangaroo and the Zebra” [15, p. 383] / «Кенгуру и Зебра» [2, с. 139]; “The Snake and the Swallow” [15, p. 391] / «Ласточка и Змея» [2, с. 175]; “The Lion and the Bull” [15, p. 392] / «Лев и Бык» [2, с. 172]; “The Lion and the Mouse” [15, p. 392] / «Лев и Мышь» [2, с. 179]. В этом случае то или иное качество человека будет передано через контраст характера двух животных. Иногда названия басен представляют собой группы из трёх животных: “The Lion, the Cock, and the Ass” [15, p. 376] / «Лев, Петух и Осел» [2, с. 174]; “The Lion, the Bear, and the Fox” [15, p. 393] / «Лев, Медведь и Лиса» [2, с. 192]; “The Kite, the Pigeons, and the Hawk” [15, p. 390] / «Орел, Коршун и Голуби» [2, с. 170]. Одно из упомянутых животных может иметь атрибут-уточнение, которое как бы конкретизирует элементы сюжета: “The Wolf and the Feeding Goat” [15, p. 392] / «Волк и Коза» [2, с. 181].

Конкретизируется и одно животное, с большей или меньшей степенью проявляющее сюжет: “The Wolf Who Would Be a Lion” [15, p. 394] / «Волк, который хотел быть Львом» [2, с. 196]; “The Christian Serpent” [15, p. 362] / «Змея-Христианка» [2, с. 11]; “The Lassoed Bear” [15, p. 366] / «Медведь и Лассо» [2, с. 15]; “The Opossum of the Future” [15, p. 372] / «Опоссум будущего» [2, с. 156]; “The Australian Grasshopper” [15, p. 373] / «Австралийский Кузнечик» [2, с. 152]; “The All Dog” [15, p. 379] / «Собака» (перевод авторский – Б. Л.)

Если в заголовке одно из наименований животного стоит во множественном числе, то это означает, что именно в этом направлении убывает индивидуализация животного и, соответственно, индивидуализация человека. При этом вид животного (а иногда и оба вида) может указываться во множественном числе: “The Hen and the Vipers” [ibidem, p. 392] / «Курица и Ласточка» [2, с. 177]; “The Hares and the Frogs” [15, p. 393] / «Заяц и Лягушки» [2, с. 189].

Представляется возможным заключить, что образ человека в заглавии текста басни выдаёт определённые приоритеты в раскрытии качеств человека, оцениваемого в данном случае в аспекте авторской индивидуальности.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. 445 с.
2. Бирс А. Фантастические басни. М.: Праксис, 2009. 200 с.
3. Гумбольдт В. Язык и философия культуры. М.: Прогресс, 1984. 450 с.
4. Давыдова Е. А. Функциональные составляющие повтора и перифраза на диктежном уровне // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 1 (43). Ч. 2. С. 80-82.
5. Кечайкина Л. М. Концепт «человек/личность» в зоонимическом отражении и его вербализация в английской лингвокультуре // Вестник Мордовского университета. 2007. № 4. С. 225-238.
6. Кечайкина Л. М. Концепт «человек/личность» и его отражение в семантике английских фразеологизмов в границах зоонимической лексики (на материале лексемы *a duck*) // Вестник Мордовского университета. 2008. № 3. С. 128-129.
7. Кожанов А. А., Россихина Г. Н. Лингвистическое понятие текста // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 9 (27). Ч. 1. С. 83-87.
8. Крицкая Н. Г. Джон Гей, английский лафонтен // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 11 (29). Ч. 2. С. 116-118.
9. Крылов И. А. Стрекоза и муравей [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rvb.ru/18vek/krylov/01text/vol3/01fables/070.htm> (дата обращения: 10.12.2014).
10. Мирсагетова Л. А. Образ человека во фразеологической картине мира: автореф. дисс. ... к. филол. н. Уфа, 2004. 19 с.

11. Попова Е. А. Человек как основополагающая величина современного языкознания // Филологические науки. 2002. № 3. С. 69-77.
12. Рядчикова Е. Н., Тарасенко С. В. Лингвокультурные принципы и способы отражения национального самосознания и национальной культуры в языке // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2. Филология и искусствоведение. 2007. № 2. С. 13-20.
13. Сабурова Н. В. Роль заголовка в реализации функциональных особенностей публицистического стиля (на примере анализа англоязычной статьи) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 6 (24). Ч. 1. С. 181-185.
14. Смахтина Н. Г. Соотношение актуализированных разноязычных лексиконов поэта-билингва в условиях авторского перевода: автореф. дисс. ... к. филол. н. Орел, 2004. 18 с.
15. Bierce A. Tales and Fables. M.: Progress Publishers, 1982. 536 p.

THE REPRESENTATION OF THE WILDLIFE IN THE TEXT OF A FABLE IN THE ANTHROPOCENTRIC APPLICATION

Boyarkina Lyudmila Mikhailovna, Ph. D. in Philology
Mordovian state pedagogical institute named after M. E. Evseviev
Boyarkina82@mail.ru

The article is devoted to the representation of the wildlife in the text of a fable in the anthropocentric application. Anthropocentrism is the main principle of the modern linguistics and signifies the intention of the researchers to make a man the corner-stone. The article reflects the implicit characteristics of the man through the use of the world of fauna, what is the natural consequence of the peculiarities of the artistic cognition.

Key words and phrases: anthropocentrism; zoonym; text; fable; artistic cognition.

УДК 372.881.1

Педагогические науки

Статья посвящается проблеме формирования социокультурной компетенции у студентов-нефилологов, изучающих арабский язык. Особое внимание уделяется пословицам и поговоркам, использование которых в качестве учебного материала обуславливается не только общеметодическими принципами, но и объясняется спецификой языковой ситуации в арабском мире, особенностями менталитета арабского народа.

Ключевые слова и фразы: иноязычная компетенция; социокультурная компетенция; лингвострановедческие знания; пословицы и поговорки; арабский язык.

Вавичкина Татьяна Анатольевна, к. филол. н.

Российский университет дружбы народов

vavichkina@mail.ru

РОЛЬ ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРОК В ФОРМИРОВАНИИ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТОВ[©]

Значимость социокультурного компонента для формирования иноязычной компетенции и, соответственно, важность социокультурной субкомпетенции неоспоримы, а актуальность не требует доказательств, поскольку абсолютно очевидна та роль, которую играют социокультурные знания в обеспечении адекватного взаимопонимания между участниками коммуникативного акта в современном поликультурном мире.

Принято разделять *социокультурную компетенцию* на три блока знаний: лингвострановедческие знания, социально-психологические знания, культурологические знания [Там же].

Под *лингвострановедческими знаниями* понимаются не только сами знания лексических единиц с национально-культурной семантикой, но и умение применять их в ситуациях межкультурного общения [1, с. 110]. И здесь неоценимую помощь оказывают пословицы и поговорки. Изучение этого поистине бесценного материала, охватывающего различные стороны духовной жизни изучаемого народа, его обычаи и традиции, этические и эстетические воззрения, не только значительно расширяет кругозор студентов, но и воспитывает их в духе взаимоуважения и толерантности. Кроме этого, отражая менталитет народа-носителя изучаемого языка, национальные пословицы и поговорки позволяют учащимся усвоить и в последствии применять на практике правила и принципы общения представителей данной нации, дают представления о существующих ценностях, о приоритетах. Таким образом, сквозь призму существенных для данного конкретного народа элементов и явлений, представленных пословицами и поговорками, познается национально-культурная составляющая образа мира этого народа.

Учитывая фоновый характер подобных знаний, пословицы и поговорки должны вводиться на занятиях дозированно и выполнять, прежде всего, иллюстративную функцию, то есть использоваться в качестве вспомогательного материала к основным текстам бытового лингвокультурологического содержания.